

Зимний холод пробирал до костей. Чу Юй задумчиво проводил пальцами по острым шипам терновой ветви, словно всерьёз прикидывал, сгодится ли это орудие для дела.

«Неужели? — Ван Чии, изначально уверенный, что наследный принц не посмеет пустить розги в ход, внезапно засомневался. — Неужели этот колючий прут и впрямь обрушится на меня?»

Он испуганно опустил голову и бросил свирепый взгляд на своего слугу. Эту ветку Чии сам велел найти, но мальчишка, не ведая, что шипы могут коснуться плоти господина, решил, будто тот собирается наказать кого-то другого. Желая выслужиться, он приложил немало усилий, чтобы отыскать терновник пострашнее. Теперь же слуга стоял бледный как полотно, до глубины души сожалея о своём рвении.

— Хм... — Чу Юй издал негромкий, почти насмешливый смешок.

Сжав прут поудобнее, он пару раз взмахнул им в воздухе, проверяя вес, и, чуть повернув голову, обратился к Янь Хуаю:

— Янь Хуай, гляди, какая занятная вещица.

Наследник Янь мгновенно уловил настроение принца и понимающе улыбнулся:

— И не говорите. Кажется, молодой господин Ван проявил недюжинное рвение. Будет обидно пренебречь такой искренностью — это даже как-то неучтиво по отношению к нему.

Услышав их разговор, Ван Чии окончательно пал духом. В страхе он вскинул голову, сиюсь изображить заискивающую улыбку:

— Ва... Ваше Высочество...

— Да? — Чу Юй продолжал разглядывать терновник, даже не устаивая собеседника взглядом.

Белые, тонкие пальцы принца скользили по самым острым иглам, и от этого зрелища у Чии по спине пробежал ледяной пот.

— Что же вы, господин Ван? Разве вы пришли не за покаянием?

Юноша с трудом сглотнул, не в силах вымолвить ни слова.

Разве отец не говорил, что принц не посмеет ни взять розги, ни ударить? Сейчас, пока дело его дяди ещё разбиралось в суде, неужели Чу Юй решил, что род Ванов пошатнулся, и вознамерился сжечь мосты?

В голове его металась тревожная мысль. Когда он увидел, как терновая ветвь взметнулась высоко вверх, страх окончательно взял верх: Ван Чии повалился на землю, уже готовый позорно бежать. С самого детства его баловали и лелеяли; он не знал даже, что такое ссадина или ушиб. Сама мысль о том, что эти шипы впихнутся в его плоть, вызывала у него почти животный ужас.

— Не... не бейте меня!..

Глядя на это жалкое ничтожество, Чу Юй не выдержал и негромко рассмеялся. Он посмотрел на коленопреклонённого юношу сверху вниз:

— Это лишь шутка, господин Ван. Не думал, что вы так перепугаетесь. Кажется, вина ложится на меня.

— Разве мог бы я по-настоящему гневаться на вас? — голос принца звучал мягко и вкрадчиво, но в глубине глаз застыл ледяной холод.

Ван Чии, закрыв лицо руками, не мог видеть этого выражения.

— Господин канцлер оказал нашей династии Лун великие услуги. Злодеяния дальнего родственника должны быть искуплены смертью самого преступника. Печально, что тень пала на самого канцлера — мне даже как-то неловко, что он вынужден терпеть такие несправедливые обиды.

С этими словами он небрежно бросил терновник к ногам Чии.

— Пойдём, Янь Хуай.

— Слушаюсь, Ваше Высочество.

Проходя мимо поверженного юноши, Янь Хуай одарил его презрительной, издевательской усмешкой.

Лишь когда оба скрылись в дверях зала Вэньхуа, Ван Чии яростно сжал кулаки.

— Гос... господин, — слуга, дрожа всем телом, попытался помочь ему подняться.

Ван Чии, понимая, что опозорил имя отца, схватил брошенную принцем ветку и в ярости обрушил её на голову слуги.

— Никчёмная тварь! Только и умеешь, что всё портить!

Мальчишка не смел даже прикрыть голову руками, безмолвно снося удары и лишь вполголоса моля о пощаде.

Вдоволь выместив злобу, Чии обернулся и бросил полный ненависти взгляд на двери зала.

«Наследный принц! — подумал он желчно. — Сегодня тот оскорбил его отца, да и император давно охладел к сыну. Посмотрим ещё, как долго Чу Юй усидит на своём месте! И когда наступит день его падения, я обязательно заставлю его сполна заплатить за сегодняшнее унижение!»

\*\*\*

Юнчэн

Шорохи и суета.

С первыми криками петухов ученики в каморке один за другим начали подниматься. Шум мешал спать. Цзи Линьси, истосковавшийся по отдыху, натянул одеяло на голову, пытаясь отгородиться от внешнего мира и поспать ещё немного, но в конце концов всё же откинул его и потянулся за одеждой.

За ночь похолодало ещё сильнее. Голова после поздних бдений была тяжёлой. Пока остальные бегали за горячей водой для умывания, Линьси набрал в пригоршни снега и принялся растирать лицо. Лишь тогда туман в его мыслях окончательно рассеялся.

— Ещё семь дней продержаться — и начнутся зимние каникулы.

— Матушка прислала письмо: говорит, сшила мне новую одежду, ждёт дома.

— Завидую тебе, брат Чэнь. А меня дома отец заставит все книги пересказывать...

Прислушиваясь к чужим разговорам, Цзи Линьси неторопливо одевался, а в голове его уже зрел план.

На время каникул, которые длились целый месяц до самого Нового года, в академии оставаться было нельзя. Он нащупал за пазухой край банкноты и принялся лихорадочно подсчитывать

расходы.

Если снимать жильё на месяц, уйдёт немало денег. Добавь сюда покупку книг, свечей, бумаги и кистей — выйдет огромная сумма. А ведь ещё нужно платить за обучение и прочие мелочи. Чтобы преуспеть на государственных экзаменах, нужно не просто читать — нужно поглощать знания томами, борясь за право называться эрудитом.

Паршивые книжонки стоили гроши, но настоящие учёные труды были баснословно дороги. Ему явно было не по карману собрать такую библиотеку. Лучший выход — одолжить книги. Соученики — его прямые конкуренты, никто из них в здравом уме не поделится знаниями. Значит, нужно искать подход к другим.

Если и был в его окружении кто-то, чьё собрание книг было воистину богатым, так это наставники академии.

Приняв решение, Цзи Линьси, собиравшийся было облачиться в свою тёплую обновку, тайком стянул её и вновь надел старые, покрытые заплатами одежды. В таком скромном виде он и отправился в класс.

Линьси был мастером притворства. Ещё позавчера, когда холод был невыносим, он держался стойко, создавая образ ученика, столь увлечённого лекцией, что погода для него — лишь пустяк. Сегодня же он то и дело плотнее кутался в свои обноски, то стискивал зубы, то дышал на окоченевшие пальцы, пытаясь удержать кисть. Каждое его движение кричало о небывалом усердии вопреки лишениям.

На фоне добротных одежд других учеников его халат выглядел вопиюще тонким. И хотя большинство соучеников тоже старались, в моменты отдыха они всё же расслаблялись. Цзи Линьси же даже после уроков бежал вслед за учителем с книгой в руках, смиренно задавая вопросы и рассыпаясь в благодарностях. Всего за три дня наставники академии прониклись к нему глубоким сочувствием, и даже сам глава академии обратил на него внимание.

— Этот Цзи Линьси... поистине невероятно прилежен.

— С таким упорством он наверняка пройдёт и уездные, и окружные испытания.

— На вопросы отвечает бойко, видно, что трудится не покладая рук. Кабы он начал учиться на несколько лет раньше, мог бы замахнуться и на столичные экзамены.

— Вот только... — наставники были единодушны: — Почерк его поистине ужасен.

Сказать «ужасен» — значит ничего не сказать. Это было форменное безобразие.

Буквы кривые, лишённые всякого изящества и твёрдости, но при этом размашистые и

несдержанные. За долгие годы преподавания наставники не видели ничего более нелепого. Проверять работы Линьси, они порой тратили уйму времени, лишь бы разобрать, что там написано.

Увидев такие свитки, любой экзаменатор лишь нахмурится и с отвращением отбросит их в сторону.

Наставник, преподававший канонические тексты, долго терпел, но в конце концов не выдержал. Он вызвал Цзи Линьси к себе и строго промолвил:

— Прилежно учиться — это хорошо, но одних знаний мало. Совершенствуя ум, нельзя забывать о письме. В почерке отражается душа человека. Если ты искренне желаешь пройти государственные экзамены, ты обязан овладеть искусством красивого письма.

Он разложил перед Линьси образцы безупречной каллиграфии, а рядом положил его собственную работу:

— Будь ты экзаменатором, разве захотел бы ты поставить высокий балл за такие каракули?

Цзи Линьси прекрасно знал, что его почерк столь же низок и дурён, как и он сам, но именно такого впечатления он и добивался. Лицо его мгновенно исказилось от стыда и сокрушения.

— Ученик и сам мечтает овладеть искусством письма, но у меня нет достойных прописей... А те, что встречаются, стоят слишком дорого для моих... — он замолчал, поспешно оборвав фразу. — Я... я постараюсь тренироваться усерднее.

Учитель уловил в его словах горькую нужду. В сердце каждого преподавателя живёт стремление наставлять и помогать. Услышав это признание и примерно поняв положение юноши, наставник решительно велел ему ждать. Он подошёл к своему книжному шкафу, долго в нём рылся и наконец извлёк две бережно хранимые тетради с каллиграфическими образцами. Скрепя сердце, он протянул их Линьси:

— Возьми. Тренируйся по ним.

Тот, разумеется, принялся испуганно махать руками, отказываясь. Он лепетал о том, что не может принять столь ценный дар, что наставник наверняка дорожит этими книгами, и что он сам как-нибудь выкроит денег на еду и купит себе прописи позже... Но в итоге, покидая кабинет, Линьси прижимал к груди обе тетради.

Там, где его никто не видел, губы юноши искривились в лукавой, торжествующей усмешке.

На шестой день он вновь сменил маску. От бывшего рвения не осталось и следа: на уроках он сидел с мрачным, отсутствующим видом, а если и начинал слушать, то вскоре вновь впадал в

какое-то оцепенение.

Наставник истории наказал ему стоять до конца занятия, а после велел явиться в свой кабинет и сурово допросил.

— Цзи Линьси, отчего ты сегодня так рассеян?

Юноша хранил угрюмое молчание, лишь лицо его выдавало глубокую муку. Учитель продолжал настаивать и в конце концов пригрозил: если тот не возьмётся за ум, то весной может не возвращаться в академию. Лишь тогда из уст Линьси сорвалось признание: у него нет ни родителей, ни дома, ни единого угла, где бы он мог преклонить голову и продолжать учение этой долгой, суровой зимой.

<http://bllate.org/book/15344/1373442>